

„Стоить ли намъ помолиться за него?“ — Проповѣдникъ дѣлаетъ другой вопросъ: „имѣемъ ли мы право молиться за него?“

Онъ находитъ, что имѣемъ, потому что „родился онъ христіаниномъ; жилъ хотя и полу-христіаниномъ, но умеръ христіаниномъ, примиреннымъ съ Богомъ и совѣстью, и Христовою церковью, умеръ кающимся сыномъ Отца небеснаго“. Но молиться надо не только о самомъ почившемъ и даже не столько о немъ, сколько о насъ самихъ. О немъ надо молиться, „чтобъ не отяготѣлъ надъ нимъ небесный приговоръ, напророченный подобнымъ ему еще при жизни на землѣ народнымъ же нашимъ поэтомъ Крыловымъ“, причемъ приводится басня Крылова „Сочинитель и разбойникъ“, которая кажется автору даже и не баснею, а „высоко обличительною и пророчественною притчею“. О себѣ намъ надо молиться, чтобы „съ примѣра Пушкина не разливался между нами языческій культъ. Посмотрите: до него всѣ наши лучшіе писатели, Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій были истинные христіане. Съ него же, наоборотъ, лучшіе писатели стали прямо и открыто совращаться въ язычество, каковы Бѣлинскій, Тургеневъ, графъ Левъ Толстой. Литература и такъ-называемая наука во многомъ, въ конечныхъ выводахъ, становятся языческими; правы также. Развратъ становится догматомъ и принципомъ. Религія въ интеллигентномъ кругѣ изъ житейскаго обихода исключается. Даровитѣйшіе, самые модные изъ писателей вызываютъ къ общественному перевороту“. Подражатели великаго поэта въ слѣдованіи языческому культу, по вѣрѣ и нравамъ, должны бы послѣдовать за нимъ и въ его усиліяхъ передѣлать свой нравственный строй по высочайшему идеалу Христова евангелія... Историческую роль Пушкина проповѣдникъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ отношеніи къ народу русскому онъ былъ величайшимъ выразителемъ обще-народныхъ нашихъ и доблестей, и недостатковъ, и стремленій. Стоя на грани исполнившагося тысячелѣтія русской исторіи, онъ былъ произведеніемъ всего прошедшаго Россіи, какъ и своего времени, и своего круга; а въ отношеніи къ будущему нашего народа былъ не только предвѣстіемъ, но и предначаломъ теперь уже наступившаго и развивающагося, и грядущаго наклона русскаго народнаго духа, особенно въ высшей интеллигентной сферѣ, которая дѣлаетъ нашу народную исторію“...

Мы ограничимся указаніемъ содержанія „бесѣды“; разборъ ея былъ бы здѣсь не у мѣста:—съ абсолютной церковной точки зрѣнія взглядъ на личность и дѣятельность Пушкина не могъ быть иной... Но съ подобной точки зрѣнія думали нѣкоторые опре-